DOI 10.15826/izv1.2021.27.1.005

М. В. Загидуллина

УДК 902/904 + 070.1:004.032.6 + 087.6

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В СМИ В АСПЕКТЕ «ПУБЛИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ»*

Статья представляет собой обзор проблемы «археология и журналистика», автор рассматривает основные исследовательские подходы к изучению вопроса популяризации археологических знаний средствами массовой информации в контексте более общего исследовательского поля «публичной археологии».

Ключевые слова: археологическая тематика; средства массовой информации; «публичная археология»; популяризация науки

Введение: общая характеристика исследовательского поля «археология и общество»

Археология в узком смысле слова представляет собой науку интерпретации древнего мира по вещественным артефактам (преимущественно извлекаемым в ходе раскопок). Так как цель археологии — именно интерпретация древнего мира по конкретным материальным объектам, обладающим вполне конкретными характеристиками, поддающимися точному описанию, то наука относится к гуманитарному знанию. Хотя интерпретация направлена на научное сообщество и опирается на специфические сведения, интерес широкой публики к результатам археологических раскопок всегда был достаточно высоким. Именно поэтому возникает такое междисциплинарное ответвление знания, как «археология и общество». По сути, это разновидность более широкой темы «наука и общество» (т. е. на равных существуют поля знания «биология и общество», «физика и общество» и т. п., изучающие особенности восприятия той или иной науки в массовом сознании). Но помимо общих проблем «упрощения», «стилизации», «адаптации» сложного научного знания к потребностям широкой аудитории, археологическое знание обладает рядом уникальных черт: археология исторически представляет собой науку, «действие» которой разворачивается не в лаборатории или кабинете, но на открытом пространстве, где ведутся раскопки, напоминающие поиск кладов и направленные на расшифровку древних культур по их материальному следу. Прикладной характер этой науки (правила извлечения артефактов во время раскопа, фиксирования следов, создания точных «копий-описаний» того, что можно обнаружить при раскопе: например, направления расположения тел

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740012.

ЗАГИДУЛЛИНА Марина Викторовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета. ORCID: 0000-0002-4799-1230 (e-mail: mzagidullina@gmail.com).

© Загидуллина М. В., 2021

в захоронении; расположения уже исчезнувших, но оставивших следы своего существования предметов в жилище и т. п.) сочетается с ее фундаментальными основами (например, знанием особенностей культур, узнаванием периода по его артефактам, реконструкцией истории по материальным артефактам). Методы археологических исследований во многом зависят от развития технологий (в том числе совершенствования способов датировки предметов, различных приемов поиска захоронений с помощью «сканирования» подземной части), но «ручной» характер раскопа остается существенной частью археологической профессии, суть которой — сочетание полевой работы (раскопок) с интерпретационной (датировкой, атрибуцией, объяснением).

Отсюда интерес общества к раскопкам, сенсационности извлеченных артефактов, ожидание каких-либо удивительных открытий и пересмотра привычных исторических нарративов: археология представляет собой именно поиск неизведанного прошлого, которое никогда не было «рассказано раз и навсегда».

Таким образом, выход археологии из специфического узкого пространства научного знания в область интерпретации артефактов, извлекаемых из-под земли (или из водных глубин), в публичное пространство обусловлен еще и незначительностью подготовленности аудитории к таким сведениям (ведь «конечным продуктом» будет интерпретация прошлого, представляющая собой именно нарратив, историю, рассказываемую на основе «чтения» извлеченных материальных объектов). Будучи «волшебной сказкой», «приключением» (ср. использование археологической тематики в известных фантазийных фильмах, например, в тетралогии Стивена Спилберга об археологе Индиане Джонсе; о романтизированном образе археолога см.: [Савельева]).

Однако перемещение археологии в пространство публичной сферы нелинейно и разнообразно: например, для американской археологии особое значение обрела этика раскопа древних захоронений на территориях общин, этнических меньшинств, придающих таким захоронениям сакральное значение; для российской археологии такая проблема никогда не становилась значимой или центральной, подменяясь конфликтом между хозяйственными задачами и научными интересами. В известной работе Дэвида Кларка речь идет о том, что археологическая наука оказывается в зависимости от общественного мнения, нуждается в рекламе своих исследований с целью получения финансирования раскопок и привлечения волонтеров для проведения изнурительных работ по извлечению археологических ценностей [Clarke].

В американском учебнике (выполняющем функции «введения в специальность» и выдержавшем множество изданий, а также переведенном на ряд языков, в том числе и на русский) «Археология. В начале» Кристофера ДеКорса и Брайана Фагана тема связи археологии с обществом представлена как растущее напряжение в области сохранения уникальных археологических памятников, необходимость включить в археологическое поле проблемы взаимодействия с публикой, выступающей, с одной стороны, заказчиком археологических исследований, а с другой — опасностью, «коллективным разрушителем» памятников (особенно там, где вокруг памятников возникает туристическая активность) [ДеКорс,

Фаган]. Как видим, во многом это именно национальный подход (характерный для конкретной страны и ее реалий), показывающий, что острые проблемы взаимодействия археологии с обществом в разных социумах могут значительно различаться.

Наконец, особую остроту тема «археология и общество» приобретает в связи с общим переходом научного знания в стадию «постнеклассического» периода. Если в 1970-е гг. был поставлен вопрос о «новой парадигме археологического знания» (не «вписывать» археологические находки в существующие представления о прошлом, а воспринимать и интерпретировать «процессуально», опираясь исключительно на точные сведения, полученные во время раскопок, приближая археологию к формам антропологии, не отклоняющейся от материальной составляющей и «физического», «статистического» подхода к найденным артефактам), то уже в 80-е возникает «постпроцессуальная» археология, опирающаяся на предположение, что каким бы эрудированным ни был археолог, он будет интерпретировать прошлое сквозь свой жизненный опыт и, возможно, самим им не осознаваемые ограничения мировоззрения. Прошлое, по замыслу основателя постпроцессуальной археологии И. Ходдера, должно было быть восстановлено множественным способом, с учетом самых разных (в том числе и ненаучных, эзотерических) подходов к интерпретации материальных объектов, извлеченных в процессе раскопок [Hodder].

Новая парадигма археологического знания в мировой науке связывается с понятиями постмодерна и постструктурализма. Для археологии это выразилось, прежде всего, в повороте от «исторических интерпретаций» (как устроена жизнь целых обществ той или иной эпохи) к индивидуально-частным аспектам (например, гендера, меньшинств, возможности реконструкции отдельных частных идей и т. п.). Кроме того, особое значение обрела тема множественности интерпретаций (понимание представляемой интерпретации как одной из многих, не перекрывающей возможности других толкований). Такие особенности парадигмы знания внутри самой науки неизбежно вели к резонансу в области поля «археология и общество».

Публичная археология и менеджмент культурного наследия

Фактически тема «встраивания» археологии в реалии современного общества с его феноменом расширения и укрепления прав человека, защиты маргинальных групп и системного укрепления демократических основ в самых разных областях человеческой деятельности трансформировалась в тему менеджмента культурного наследия (в российской системе — «охрана памятников культуры», однако российский вариант неточно соответствует западным Cultural resource management и Cultural heritage management). Так, в «Оксфордской библиографии» статья «Публичная археология» (не обновлялась с 2016 г.) включает целый перечень источников с соответствующими комментариями [Sabloff, 2016]. Важнейшими книгами, которые вводят понятие «публичной археологии», являются издания Барбары Литтл [Little] и Джереми Саблоффа [Sabloff, 2008]. Многократно в различных источниках упоминается книга Чарльза Мак-Гимси 1972 г. [McGimsey],

рассматриваемая как ключевой текст, представляющий собой целую энциклопедию форм публичной археологии и фактически вводящий в оборот само понятие «культурного менеджмента» (CHM & CRM). Во многих изданиях рассматриваются отдельные аспекты публичной археологии (в том числе создание «археологических коммьюнити», этические особенности ведения раскопок и др., например: [Downum, Price; Little, Shackel; Mickel, 2013; Shackel, Chambers]). Также рассматриваются вопросы связи археологических открытий и политики (см., например: [McGuire; Schmidt, Patterson]). «Менеджмент культурного наследия» в целом понимается именно как комбинация мер по охране памятников и сохранению природной среды; отсюда и переход археологии к неразрушающим (неинтрузивным) методам извлечения артефактов, широкому применению наземных методов оценки значимости раскопа — чтобы избежать разрушения «впустую», а также развитие возможностей «виртуальной археологии» с ее методами компьютерного моделирования. Но важнейший аспект «менеджмента культурного наследия» — это именно популяризация знаний о древнем мире, раскрываемом с помощью археологических методов.

Публичная археология и «лидеры мнений»

В 2013 г. в журнале «Археологические диалоги» семь археологов выразили свое мнение о том, может ли археолог быть «общественным интеллектуалом» (“public intellectual”), т. е. сам представлять археологическое знание (весьма зыбкое, основанное на интерпретациях) широкой публике, опираясь на собственную интуицию и воображение [Tarlow, Stutz]. Для дискуссантов было важно различать «археолога — общественного интеллектуала» и «популяризатора-археолога» (в основном точкой различения была принята позиция П. Бурдые — интеллектуал должен быть автономен от любых идеологий, на любые верования смотреть критически, подвергать их анализу и рационализации, деконструкции).

Появление «археологов-интеллектуалов», повествующих о прошлом для широкой публики, совпало с ростом возможностей медиа — например, постоянным расширением визуальной культуры, возможностью масштабных видеопроектов. Классический пример — британская программа Time Team (программа жестко критиковалась специалистами-археологами фактически за «легитимизацию» «черной археологии»). Обосновывая право археологов на вымысел, исследователи отмечают, что все же это именно «вынужденная игра по правилам» медиатизированного общества (поэтому таких «рассказчиков» приходится защищать от нападков их же коллег; это мировая система этических отношений, см. подробнее: [Mickel, 2012], а также [Connah; Fagan]).

Можно, таким образом, выявить два противонаправленных вектора в теме «археология и общество»: 1) «научно ответственное» отношение к публичности, ее сдерживание, ограничение публичного слова археологов с целью уменьшения социальных рисков и неправильной интерпретации (особенно в связи с развитием различных форм сектантства вокруг археологических памятников; Е. В. Куприянова формулирует этот принцип следующим образом: «К сожалению,

в общении с журналистами часто основной заботой археолога становится не сказать лишнего» [Куприянова, 2014, с. 148]); 2) расширение публичной археологии, повышение привлекательности археологии как области культурной деятельности, вовлечение в «околопрофессиональную» археологию как можно большего числа людей.

В качестве примера публичного интеллектуала-археолога можно привести деятельность уральского археолога Г. Б. Здановича (1938–2020), большую часть своей жизни посвятившего изучению Аркаима (Челябинская область). Он являлся автором и соавтором десятков книг об Аркаиме (в том числе и для широкой публики), постоянно выступал с открытыми лекциями, вел активную экскурсионную работу на самом памятнике, участвовал в самых разных проектах, посвященных Аркаиму (как самому раскопу, так и историко-ландшафтному музею, организованному недалеко от поселения). Для Г. Б. Здановича было важно повысить значимость археологии как культурно-содержательного действия, направленного на легитимацию связи с прошлым, его актуализацию и дешифровку. Но так же, как и в случае с организацией британского археологического квиз-шоу в 50-е гг. прошлого века, профессиональный археолог Г. Б. Зданович оказался «чужим среди своих», подвергался нападкам и даже оскорблениям; в определенном смысле платой за популяризацию Аркаима стала «депрофессионализация» памятника (широкое распространение в археологических кругах представления о «профанизации» археологического знания, связанного с Аркаимом, ничтожности самого памятника, «раздутой» славе этого места, «зараженного» эзотеризмом, оккультизмом и т. п., в основном именно по вине археолога-интеллектуала Здановича — см., например: [Петров; Шнирельман]).

Таким образом, напряжение противонаправленных векторов («сакральное» археологическое знание «для специалистов» против «профанного» археологического знания «для всех») могло порождать череду вполне конкретных действий во внутриинституциональной среде, принимающей в штыки постпроцессуальную археологию с ее интуициями, широтой восприятия ненаучных точек зрения, обращением к духовным практикам и другим формам знания и познания, далеким от строгих описаний материальных артефактов. На фоне такой борьбы и конфликтных отношений внутри самой археологии осложнялась и тема «археология и медиа» — прежде всего, по причине нарастания общего кризиса средств массовой информации в эпоху утраты монополии на эти средства (интернет-коммуникация лишала газеты, телевидение, радио их былого величия, связанного с индустриальным размахом производства контента на дорогостоящих платформах, конкурирующих только друг с другом).

«Археология и медиа» как частный аспект темы «археология и общество»

Концептуально тема «археология и медиа» была представлена в одноименной книге, вышедшей в издательстве Taylor & Francis в 2007 г. (переиздана Routledge в 2016 г. без изменений, что говорит об определенной «стагнации» темы,

несомненно, к 2016 г. уже претерпевшей значительные изменения и требующей пересмотра).

Важнейшие наблюдения, сделанные в этой книге Тимоти Клэком и Маркусом Бриттэном [Clack, Brittain], могут быть представлены в виде следующего ряда:

1. Существует предвзятое отношение археологов к медиа и медийности (как «чуждому» полю, во многом банализирующему и упрощающему сложный мир истинной научной археологии). Эта предвзятость может быть соотнесена с общим недоверием к СМИ со стороны научного сообщества (не только археологии), развивающимся с середины 1930-х гг. во всем мире.

2. Выход археологов на открытые медийные площадки обусловлен их борьбой за выживание профессии (в том числе — финансирование самих раскопок), необходимостью борьбы с потребностями хозяйственников (особенно в рамках СНМ и CRM). Таким образом, здесь на первое место выходит акцентирование социальной значимости культурных ценностей (а следовательно, ее намеренное преувеличение в процессе интерпретации для широкой публики) [McCarthy, Padley, Brooks; Mickel, 2012; Wills].

3. Процессуальная археология (согласно программной статье Дэвида Кларка «Archaeology: Loss of Innocence» [Clarke]) нуждается в социализации, толковании, доступном широкой публике.

4. Идея «археологии» как широкого по смыслу вторжения в прошлое и поиск «корней», «основ» стала популярна в философской мысли (например, у Фуко в «Археологии знания»), что повлияло и на саму археологию, которая стала стремиться к «сторителлингу», а не к констатации фактов обнаружения отдельных предметов в том или ином месте. «Рассказ о прошлом» сквозь археологические данные не мог строиться на чем-либо еще, кроме «додумывания» и «довоображения» недостающих элементов. Археолог из специалиста по материальной культуре превращался в специалиста-интерпретатора (писателя, автора), т. е. археология неизбежно оказывалась на перекрестке своего «процессуального» и «постпроцессуального» концептов.

Таким образом, существует ряд объективных предпосылок развития темы «археология и медиа» внутри более масштабных, чем одна научная отрасль, трендов популяризации научного знания. Здесь постмодернистская парадигма знания, допускающая множественность толкований и даже само знание рассматривающая только как один из инструментов постижения мира (наряду с верованиями, например), вступает в противоречие с классическими представлениями о знании как нерушимо системной структуре, основанной на фактах и причинно-следственных связях. В связи с тем, что такие тренды обычно развиваются снизу вверх (bottom-up), возникая и разрастаясь в неинституциональном информационном обмене, они получают негативную оценку в традиционном культурном поле (чаще всего маркируются как «не-норма» разного рода, включая и представления о психической ненормальности тех, кто распространяет такие знания, в свою очередь, маркируемые с традиционной точки зрения как «псевдознания»). Между тем множественность толкований, представленная в институциональных кругах с учетом «порога приемлемости», может оказаться и воспринятой (принятой) научным

сообществом. Однако сам этот «порог» остается недостаточно изученным. Интересный пример тонкости, неуловимости границы между «классическим» точным знанием и отступлениями от него приводит Е. В. Куприянова. Она пишет о том, как опасалась поделиться с другими археологами своим важным наблюдением: понимание сути древнего материального предмета, его предназначения, функций, смысла его декорирования или формы приходит тогда, когда археолог собственноручно «возится» с таким артефактом (например, собирает черепки сосуда в целое). Соприкосновение (материальное действие) ведет к проникновению в суть (действию нематериальному, интерпретационному). Сама по себе эта мысль действительно отвлечена от позитивизма, на котором зиждется процессуальная археология, уходит в зону «необъяснимого» (а значит, «эзотерического», что и казалось Е. В. Куприяновой «крамольным»). Но археологи-ученые, как пишет Е. В. Куприянова, отнеслись к наблюдению исследовательницы очень положительно, горячо поддержали эту мысль. Значит, это наблюдение оказалось в рамках «порога приемлемости» [Куприянова, 2013, с. 85].

В то же время такие важные вопросы, как нежелательные эффекты распространения археологических интерпретаций, получают свое научное осмысление преимущественно за пределами археологической отрасли знания (см., например, [Ахмадулина, Федоров; Card, 2019a, b; Giry; Rotherham] — исследователи работают в области изучения неоязычества, новых оккультных практик и т. п.). Возникает важный вопрос: какова роль массмедиа в распространении и укреплении определенных интерпретаций археологического наследия, которые в рамках традиционного знания могут рассматриваться как неприемлемые («эзотерические», далекие от реальной исторической основы и вообще к ней нечувствительные)?

В главе «A Short History of Archaeological Communication» в упомянутой выше книге о взаимоотношениях археологии и медиа Кэрол Кулик показывает, как медийное освещение археологии развивалось с начала XIX в. и влияло на состояние самой археологии. Концептуальность подхода исследователя позволяет видеть, что напряжение между собственно «выходом» археологии к широкой публике и «герметизмом» профессии всегда было довольно острым, даже тогда, когда собственно понятие «профессиональной археологии» было весьма спорным. Значимые события — открытия захоронений, древних поселений — оказались в центре внимания широкой публики еще в XIX в. (и, например, крупные газеты спонсировали экспедиции как свои собственные эксклюзивные проекты). В XX в. телевидение и радио отвоевывают у газет право считаться самыми востребованными платформами распространения информации. По мнению Кэрол Кулик, возникновение успешных шоу на археологическую тематику на британском телевидении лишь подтверждает стабильность общественного интереса к «тайнам прошлого», которые открывают археологи. В то же время для профессионалов-археологов такие шоу были именно примером «вульгаризации» знаний.

Неудивительно, что к концу XX в. (и к моменту широкого распространения интернет-коммуникаций) археологическая тематика, во-первых, оказывается такой же маргинальной, как и любая другая (множество различных рубрик

«делят» все более фрагментирующуюся аудиторию); во-вторых, «застарелые» проблемы связки «археология — общество» в некотором смысле «отвердевают»; в-третьих, возникает узел проблем: общие вопросы взаимоотношений науки и общества накладываются на усиливающееся недоверие к СМИ, что в конкретной теме «археология и общество» порождает определенный разрыв (см. подробное исследование вопроса в статье Е. В. Куприяновой [Куприянова, 2014]).

Конкретный пример реализации темы «археология и медиа» в случае Аркаима (которому посвящена упомянутая статья Е. В. Куприяновой) все же остается неизученным в плане собственно медиаосвещения археологической ценности памятника. Е. В. Куприянова предлагает значимую концепцию взаимосвязи устных легенд и собственно медийного слова (одно и другое тесно взаимодействуют, усиливая и конституируя легендарный план), однако вопрос о том, насколько действительно СМИ «многократно повторили» различные далекие от археологического знания домыслы, остается открытым. Е. В. Куприянова приводит отдельные примеры неудачных журналистских интерпретаций археологической информации, ограничиваясь приблизительным замечанием: «Есть, конечно, положительные примеры, хотя их во много раз меньше, чем отрицательных» [Куприянова, 2014, с. 148]. Но полноценное изучение медийного дискурса, формировавшего «эзотерические» интерпретации Аркаима, в задачи Е. В. Куприяновой не входило. В других трудах, посвященных изучению социального феномена Аркаима, мы тоже встречаем «общие замечания». Так, Ф. Н. Петров пишет: «...свыше 90 % информации, распространяемой по поводу Аркаима, является плодом необоснованных фантазий или откровенно антинаучных измышлений» — каким образом произведен подсчет этого процента, автор не указывает [Петров, с. 165]. Очевидно, что в таких заявлениях отражается предубеждение профессиональных археологов против массмедиа (разделяемое в общественном сознании недоверие к СМИ).

Таким образом, обзор литературы показывает, что существующее состояние проблемы «археология и медиа» (как части более широкого поля «археология и общество») требует определенных усилий по восполнению возникших лакун и приведению научных знаний этого направления в непротиворечивую системность, которая, в свою очередь, сможет стать основой для интеграции исследований темы «археология и общество» в практику социального управления, гармонизации информационной и социальной политики.

Ахмадулина С. З., Федоров М. А. Неоязычество в современной России: историко-философский анализ // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2020. № 1. С. 81–87.

ДеКорс К., Фаган Б. Археология. В начале. 11-е изд., испр. и доп. М., 2017.

Куприянова Е. В. Аркаим: популяризация или «попсовость» (к вопросу о проблемах взаимодействия науки и массового сознания) // Горизонты цивилизации. 2013. № 1. С. 73–88.

Куприянова Е. В. Поселение Аркаим и популяризация археологии на Южном Урале (к вопросу о проблемах взаимодействия науки и массового сознания) // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 146–161.

Петров Ф. Н. Поселение Аркаим в научной и научно-популярной литературе // Российская археология. 2015. № 2. С. 167–176.

Савельева Т. В. Медийный образ ученого — фольклориста, этнографа, антрополога, лингвиста (на примере российских зарубежных кинофильмов) // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2018. № 2 (28). С. 216–221.

Шнирельман В. А. Аркаим: археология, эзотерический туризм и национальная идея // *Антропологический форум*. 2011. № 14. С. 133–167.

Card J. J. Archaeology and New Religious Movements // *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. 2019a. Vol. 22, № 4. P. 5–12.

Card J. J. Witches and Aliens: How an Archaeologist Inspired Two New Religious Movements // *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*. 2019b. Vol. 22, № 4. P. 44–59.

Clack T., Brittain M., eds. *Archaeology and the media*. N. Y., 2016 (the 1st ed.: London Taylor & Francis, 2007).

Clarke D. Archaeology: Loss of Innocence // *Antiquity*. 1973. № 47. P. 7–18.

Connah G. *Writing About Archaeology*. Cambridge, 2010.

Downum C. E., Price L. J. Applied archaeology // *Human Organization*. 1999. № 58. P. 226–239.

Fagan B. *Writing Archaeology: Telling Stories About the Past*. L., 2016.

Giry J. Conspiracism: Archaeology and morphology of a political myth // *Diogenes*. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1177/0392192120924534>

Hodder I. *Reading the past: current approaches to interpretation in archaeology*. N. Y., 1986.

Little B., ed. *The public benefits of archaeology*. Gainesville, 2002.

Little B., Shackel P., eds. *Archaeology as a tool of civic engagement*. Lanham, MD, 2007.

McCarthy M., Padley T., Brooks C. Not Drowning but Waving: One Approach to the Problem of the Publication of Large Archaeological Assemblages // *Antiquity*. 1992. № 66 (251). P. 433–436. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003598X00081588>

McGimsey C. R. *Public archaeology*. N. Y., 1972.

McGuire R. H. *Archaeology as political action*. Berkeley, 2008.

Mickel A. Archaeologists as Authors and the Stories of Sites: Defending the Use of Fiction in Archaeological Writing. Saarbrücken, 2012.

Mickel A. The Novelty of Responsible Archaeological Site Reporting: How Writing Fictive Narrative Contributes to Ethical Archaeological Practice // *Public Archaeology*. 2013. Vol. 11, iss. 3. P. 107–122. DOI: <https://doi.org/10.1179/1465518713Z.00000000011>.

Rotherham I. D. Issues and approaches in managing visitors to pagan sacred sites // *Managing Religious Tourism* / M. Griffiths, P. Wiltshier, eds. Wallingford, 2019. P. 92–111.

Sabloff J. A. *Archaeology matters: Action archaeology in the modern world*. Walnut Creek, CA, 2008.

Sabloff J. A. *Public Archaeology*. 2016. DOI: <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199766567-0021>

Schmidt P. R., Patterson T. C., eds. *Making alternate histories: The practice of archaeology and history in non-western settings*. Santa Fe, NM, 1995.

Shackel P. A., Chambers E., eds. *Places in mind: Public archaeology as applied anthropology*. N. Y., 2004.

Tarlow S., Stutz L. N. Can an archaeologist be a public intellectual? // *Archaeological Dialogues*. 2013. № 20. P. 1–50. DOI: <https://doi.org/10.1017/S138020381300003>

Wills J. 21st-century Challenges for Archaeology. Workshop 6: Challenges for Archaeological Publication in a Digital age. Who are we Writing this Stuff for, Anyway? Draft proposed actions, summary of issues discussed, and notes. CIFA. 2017. 14th Nov. URL: <https://www.archaeologists.net/21st-century-challenges-archaeology>

Статья поступила в редакцию 17.01.2021 г.